

Copyright © 2016 by the Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences

Published in the Russian Federation
Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities
of the Russian Academy of Sciences
Has been issued since 2008
ISSN: 2075-7794; E-ISSN: 2410-7670
Vol. 26, Is. 4, pp. 68–74, 2016
DOI 10.22162/2075-7794-2016-26-4-68-74
Journal homepage: <http://kigiran.com/pubs/vestnik>

UDC 811.512.37

A Case Study of Ethnic Linguistic Consciousness and an Associative Experiment (Evidence from the Kalmyk Language)

Vladimir N. Mushaev¹, Vera I. Mushaeva²

¹ Ph. D. in Philology (Doct. of philological Sc.), Professor, Department of Kalmyk Language, Mongol and Altai Studies, Kalmyk State University (Elista, Russian Federation). E-mail: mushaev_vn@mail.ru.

² Ph. D. in Psychology, Associate Professor, Department of Psychology, Kalmyk State University (Elista, Russian Federation). E-mail: veramushaeva@rambler.ru.

Abstract

The article focuses on the studies of the language consciousness on the basis of free associative experiments. The associative method of linguistic research aims to reveal the associative range of the average respondent; to construct and analyze the associative relationships between words, to search for consistent patterns; to form forward and reverse associative dictionary. The associative experiment allows us to determine the consistency of content of the image of the consciousness behind the word, in different cultures, and consistency of all language awareness of different cultures, conveying thereby the uniqueness and originality of the image of the world by every culture. Consequently, language awareness can serve as a means of understanding the foreign culture in its substantial and mental forms and means of knowledge of their culture. Experimental study of ethnospecific stereotypes of the Kalmyk and the Russian language consciousness is based on the free associative experiment, which involves the presentation of words-stimulus, defined intuitively by native speakers as typical stereotypical characteristics, values, priorities.

Keywords: associative dictionary, image of the world, free associative experiment, linguistic consciousness.

Исследование стереотипов языкового сознания носителей конкретных языков предполагает проведение так называемого свободного ассоциативного эксперимента. Он строится на предъявлении слов-стимулов различных семантических полей, реагируя на которые, носитель языка интуитивно определяет свои приоритеты, ценности и стереотипные характеристики. Частотность и количество реакций позволя-

ет выявить индивидуальную «концептуальную систему» универсальных и собственно-этнических закономерностей, характерных для лексического ассоциирования носителей различных языков [Уфимцева 2000].

Экспериментальные исследования на материале разносистемных языков открывают широкие возможности для разнообразных межъязыковых сопоставлений и обобщений. Различные ассоциативные ме-

тодики, которые используются в работах психологов и психолингвистов, говорят о важности и актуальности данного направления в лингвистике [Залевская 1980; Каралов 1999; Горошко 2001].

Целью статьи является определение основных аспектов, способствующих выявлению этнокультурной специфики речевой деятельности на материале современного калмыцкого языка и позволяющих интегрировать результаты калмыцкого ассоциативного эксперимента в существующие этнолингвистические модели описания.

Для выявления закономерностей существования составляющих этнорегионального менталитета проживающих на территории Республики Калмыкия жителей следует осуществить массовый ассоциативный эксперимент, по итогам которого будет составлен «Калмыцко-русский ассоциативный словарь». Его основной задачей является фиксирование с помощью экспериментальных инструментариев ядра этнического языкового сознания калмыков, выявление калмыцкого компонента в языковом сознании русских, интенсивность взаимодействия русско-калмыцкого компонента в языковом сознании других национальностей, проживающих в республике. К подобному эксперименту должны быть привлечены следующие группы респондентов: 1) калмыки, владеющие родным и русским языками; 2) калмыки, владеющие только русским языком; 3) исконно русское население и 4) представители других национальностей.

Лингвистическому анализу будет подвергнута вся совокупность реакций, собранных от названных групп информантов, количеством примерно в 1 000 человек, которым будет предложено ответить на 105–110 слов-стимулов различных семантических полей. Думается, что указанные выше группы респондентов и число участников эксперимента позволят получить достоверный материал для его последующего изучения.

Вместе с тем мы считаем вполне возможным проведение подобного эксперимента, особенно на начальном его этапе, на примере значимых в семантическом отношении сегментов лексики, ограничив при этом число респондентов по возрасту и профессиональной направленности. Учеными особо подчеркивается, что ассоциативный эксперимент может служить как инструмен-

том обнаружения межэтнической напряженности, так и показателем степени близости этносов и, что очень важно в нашем случае, средством обнаружения направлений и тенденций к ассимиляции этноса [Пищальникова, Рогозина 2004]. Опираясь на методику, предложенную Н. В. Уфимцевой [1996], можно смоделировать ядро языкового сознания калмыков-билингвов и русских, проживающих на одной территории, и провести сравнительные исследования представителей других этнокультур.

Результаты анализа ассоциативных реакций носителей различных языков и первые наблюдения над калмыцким языковым материалом позволят сделать предварительные выводы о степени близости ядра языкового сознания калмыков-билингвов и русских. При этом калмыки-монолингвы (хотя их единицы) и иностранцы, начинающие приобщаться к русско-калмыцкой этнокультуре, будут одинаково удалены по содержанию своего языкового сознания от калмыков-билингвов и русских. Признавая тот факт, что калмыцкий и русский языки по своему грамматическому строю совершенно различны, а выявленная близость их этнически значимых концептов является очевидным свидетельством интенсивности ассимиляционных процессов в калмыцком языке, можно предположить, что количество совпадающих лексем монолингвов у калмыков, бурят и монголов будет близким, как достаточно близки к казахам и киргизам. Причина тому — генетическая общность данных языков.

Безусловно, в культуре и обыденном сознании калмыков-билингвов и русских закрепились одинаковые духовные ценности, выработанные в процессе длительных и тесных контактов и совместного проживания на общей территории. Поэтому можно говорить о достаточной степени корреляции этнических стереотипов в их языковом сознании. Об этом свидетельствует характер реакций на слова-стимулы девяти лексико-семантических полей: семья / родина; нравственно-этнические нормы; эмоции; ценности; образование; язык; природа; цивилизация; время. Можно полагать, что собственно-этнический стереотип, реконструируемый на основании данных ассоциативного эксперимента, будет достаточно близким [Городецкая 2002].

Следующим важным аспектом исследования специфики языкового сознания

является моделирование этнорегионального стереотипа «я» и степень выраженности этничности калмыков и русских. С этой целью предлагается тест с опорой на методику М. Куна и Т. Макпартлэнда (середина 1950-х гг.), где необходимо ответить на вопрос «Кто я». Время на выполнение — до 15 минут, количество ответов — от 15 до 20, участников — две группы по 70 человек: студенты-филологи — 2 профили: «Калмыцкий язык и литература» и «Русский язык и литература». Количество реакций — примерно по 1 000 фиксаций. Их анализ позволит определить следующие приоритетные личностные характеристики: эмоционально-оценочные; семейно-родственные; профессиональные; половозрастные; этносоциорегиональные; имена собственные [Клименко, Супрун 1977].

Тестирование покажет, на какой вид личностной стратегии ориентированы группы тестируемых. Если из семантического поля слов-стимулов называются характеристики семейно-родственных стратегий, мы понимаем, что эти реакции являются приоритетными в ассоциативно-смысловой структуре языкового сознания данного этноса. Обычно одной из ведущих типологических характеристик менталитета любого этноса, его составляющих стереотипов являются эмоции, с помощью которых выражается отношение к окружающему, приоритеты и ценностные ориентиры [Турунен, Харченкова 2000]. Анализ структур базовых эмоциональных концептов в калмыцком и русском языках на основе ассоциативного эксперимента позволит обратиться к моделям представления об эмоциях на калмыцком языковом материале, определить его специфические и универсальные компоненты. Опираясь на существующие исследования, можно по каждой группе респондентов составить эквиваленты названий-эмоций, выделив при этом эмоции, составляющие ядро языкового сознания этносов. Вполне естественно, что значимость эмоциональных концептов в языковом сознании этносов будет неодинаковой.

Этнопсихолингвистический подход к представлениям об эмоциях необходим и важен в данном эксперименте для изучения стратегии поведения различных групп респондентов, возможностей расширения концептуального пространства эмоциональных лексем, корреляции эмоциональности с различными видами оценок и нравственных

принципов, установления двуязычных эквивалентов эмоциональной лексики и т. д. [Голикова 2005].

Обращаясь к вопросам отбора материала и перевода слов-стимулов и реакций на них, необходимо отметить, что слова-стимулы составляются на русском языке на основе списка американских ученых Г. Кент и А. Розанова с включением ряда русских общеупотребительных слов из ассоциативных словарей, изданных в нашей стране на материале индоевропейских и тюркских языков.

В калмыцкий вариант словника включаются принципиально значимые, переведенные с русского языка стимулы. Этнографическая и конфессиональная лексика и слова-синонимы в калмыцком варианте корректируются с русскими по форме, содержанию и количеству.

При формировании словника возникают трудности с переводом слов-стимулов на калмыцкий язык и переводом ассоциативных реакций на русский язык. Эти трудности связаны в меньшей мере с различиями в грамматической структуре языков и семантике исходных слов и в большей степени — с различиями в языковом восприятии и членении реалий в рассматриваемых языках. При расхождении средств выражений в грамматическом строе языков выбирается один из допустимых вариантов межъязыковых соотношений, или слово исключается из экспериментального списка. Например, стимул *баранина* (как и *говядина*, *свинина*, *конина*, *курица*) требует двучленное словосочетание, но он, переведенный сочетанием *хөөнэ махн*, был заменен словом-стимулом *махн* ‘мясо’. Понятия *сильный* и *громкий* в калмыцком языке обозначаются одним словом *чаңһ*, имеющим, помимо указанных двух, следующие значения: ‘требовательный, крепкий (мороз), тугой (струна)’ и ‘бодрый’. Однако в список эксперимента вошел только один (первый) стимул.

Несоответствие в членении реалий проходит и при подборе взаимно обусловленных пар в цветообозначении, например: калмыцкое слово *шар* обозначает и желтый, и русый, и рыжий; слово *көк* ‘синий, голубой, зеленый’ имеет также значение ‘серый, сивый (о масти)’, а прилагательное *мергн* передает такие значения, как ‘меткий, ловкий, искусный, мудрый’. Для установления допустимых межъязыковых соотношений берется слово-стимул *шар* ‘желтый’, во втором и третьем случаях — *көк* ‘синий’, *мергн*

‘меткий’, а стимул *зеленый* соответствует прилагательному *ноһан*, коррелятом стимула *мудрый* служит калмыцкое слово *цецн*.

Еще одной причиной затруднений в переводах слов-стимулов является наличие в сопоставляемых языках большого количества многозначных слов и омонимов. Не касаясь вопросов идентификации значений воспринимаемого слова, с которым связаны различные ряды ассоциаций, формируемых стимулами-омонимами, необходимо отметить, что в данном случае многозначность и омонимия являются причинами появления в ходе эксперимента эмпирического языкового материала, который трудно интерпретировать и вводить в научный оборот. Тем не менее в результате учета данного языкового факта в каждом корпусе экспериментальных анкет можно выделить набор стимулов-омонимов.

По мнению большинства исследователей, при переводе ассоциативных ответов следует исходить из логики самой ассоциативной операции, учитывая связь между стимулом и реакцией. Пример наблюдений на материале калмыцкого языка: в ответ на стимул *эк* ‘мать’ одной из самых приоритетных реакций будет слово *эцк* ‘отец’, а также сочетание *эк эцк хойр* ‘букв. мать отец вдвоем’ в значении ‘родители’. Аналогичная пара стимулов и реакция — слова *көл* ‘нога’ и *һар* ‘рука’. Причем в данном случае не только взаимодополняющая парадигматическая реакция, но и ее высокочастотность объясняются устойчивостью сочетания *көл-һар*, начиная со значения ‘конечности’ и завершая обобщенно-видовыми характеристиками в выражениях: *Көл һар уга күлдх* ‘Быть связанным по рукам и ногам’. Подобного рода идиоматичностью связаны между собой многие ассоциаты, и при переводе необходимо учитывать эти устойчивые взаимоотношения между стимулом и реакцией. В словарной статье это пунктуационно выделяется, причем перевод следует давать не дословный, а вариант — контекстуально связанный со стимулом. Например, на базовый стимул дается достаточное количество ответов, семантически связанных или трансформирующих новое понятие. Объяснением таких реакций служит то, что базовые стимулы в языковом сознании состоят в устойчивых выражениях, и эти особенности следует учитывать при переводе.

Следующие два аспекта эксперимента связаны с проблемами перевода и интерпре-

тации языковых данных, что обусловлено лексическими различиями обиходно-разговорного языка сопоставляемых этносов. Думается, что при переводе на калмыцкий и с калмыцкого сложностей, связанных с теми или иными диалектными особенностями калмыцкого языка, не будет. При необходимости можно обратиться к работам известных диалектологов [Павлов 2012; Кичиков 1963; Убушаев 2006]. Второй аспект связан с переводными эквивалентами калмыцких видовых и родовых наименований. Наиболее удобным способом перевода является использование русских коррелятов. При их отсутствии можно использовать описательный перевод родовидовых наименований, названий мастей домашних животных и во всех остальных случаях, когда нельзя подобрать слова-эквиваленты.

Вопросы изменения семантики многозначных слов в зависимости от сочетаемости с другими словами, т. е. ассоциативной связи стимула и реакции, относятся к актуальным проблемам перевода стимулов и ответных реакций. Если взять для сравнения пару антонимов — прилагательных *светлый* и *темный*, то соответствующий ему набор прилагательных в сочетаниях калмыцкого языка будет следующим: со словом *темный*: темная комната — *харңһу хора*; темное платье — *харвр өңгә бұшмуд*; темный смысл — *тодрха биш учр-утх*; темная личность — *уришта күн*; темные люди — *харңһу муңхг улс*. Со стимулом *светлый*: светлая лампочка — *герлтә шам*; светлая комната — *сарул хора*; светлая краска — *цәәвр шир*; светлый ручеек — *цегән уста һоожур*; светлый (проницательный) ум — *сарул ухан* и др.

Из этих примеров мы видим, что к приведенным русским словам, имеющим несколько значений, приходится искать более пяти соответствий в калмыцком языке. Естественно, без обязательного учета связи между стимулом и реакциями соответствующего перевода сделать это трудно. Поэтому без дополнительного анализа синонимов и антонимов реакций-ассоциатов искомое сопоставление и перевод невозможны. Приведем примеры обратного порядка, когда в калмыцком языке в соответствии с грамматико-стилистическими нормами функционируют по два варианта качественных прилагательных *нәрхн* и *нимгн*, которые соответствуют русскому слову *тонкий*. Вторая антонимичная пара: *зузан* и *бөдүн* — эк-

вивалент *толстый*, например: *нэрхн утан* ‘тонкая струя дыма’ — *нимгн цаасн* ‘тонкая бумага’; *зузан мөсн* ‘толстый слой льда’ — *бөдүн утцн* ‘толстая нитка’.

Следующий аспект рассматриваемой проблематики — это вопросы адаптации реакций на заимствованные интернационализмы и русские слова. Ясно, что совместная история, общее политико-идеологические и социально-экономические условия явились причиной того, что в речи калмыков как равноправные элементы употребляются и калмыцкие, и русские слова или общие интернационализмы, причем количественное деление респондентов за калмыцкий вариант или русский его коррелят при приведении калмыцкого стимула зависит от степени адаптированности экспериментируемого слова-стимула.

Необходимо остановиться на трудностях перевода, связанных с различиями в грамматическом строе изучаемых языков. Выявление синтагматических и парадигматических реакций в ассоциативном поле существенно затрудняется из-за того, что наблюдается принципиальное различие в способах аффиксации исследуемых языков. Например, грамматическое оформление винительного падежа в калмыцком языке представлено нулевой формой. Кроме того, затруднения в переводе и определении семантических групп в ассоциативном поле могут быть вызваны и тем, что в калмыцком языке по своей форме совпадают прилагательные и наречия, например: *хол* — ‘далекий’ и ‘далеко’; две формы слова выражаются одинаково: *күнд*, *кецу* — ‘трудно’ и ‘трудный’; одним словом выражены три части речи: *сэн* — ‘хороший’ (прилагательное), ‘хорошо’ (наречие), ‘хорошее, добро, благо’ (существительное).

Для эквивалентного перевода частей речи следует исходить из функции и сочетаемости данного слова в определенном контексте. Так, если в качестве стимула выступает существительное, то при переводе оно чаще всего предстаёт как прилагательное и относится к синтагматическим реакциям. Если же стимулом является глагол, то такие формы рассматриваются как наречие, например: *хувцн* — *сэн* ‘одежда — хорошая’, *бээх* — *хол* ‘находится — далеко’.

При перестановке слагаемых эксперимента для стимула прилагательное / наречие перевод идентифицируется как прилагательное, а если большая часть ассоци-

аций — глаголы, это значит, что стимул воспринимается как наречие, например: *кулэх* — *удан* ‘ждать — долго’.

Подобным же образом можно преодолеть трудности перевода и интерпретаций слов-стимулов, также относящихся к грамматическому своеобразие современного калмыцкого языка. Это конверсия частей речи (чаще всего переход существительных в прилагательное) и наличие двух видов аффиксов одного падежа, например винительного — с аффиксом *-иг*, *-г* и его нулевым вариантом.

В заключение следует отметить, что несмотря на исследование достаточно большого объема языкового материала и учет таких дополнительных факторов, как возраст, пол, уровень образования, социальный статус респондентов, добиться полного совпадения объема значения слов в сопоставляемых языках чрезвычайно сложно.

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта № 16-04-00312 «Создание прямого переводного ассоциативного словаря сравнений».

Литература

- Голикова Т. А. Этнопсихолингвистические исследования языкового сознания (на материале алтайско-русского ассоциативного эксперимента). М.: Тип. на Люсиновской, 2005. 322 с.
- Городецкая Л. А. Ассоциативный эксперимент в коммуникативных исследованиях // Теория коммуникации и прикладная коммуникация: Сб. трудов. Вып. 1. Ростов н/Д.: ИуБиП, 2002. С. 169–178.
- Горошко Е. И. Интегративная модель свободного ассоциативного эксперимента. М.; Харьков: Ра-Каравелла, 2001. 320 с.
- Залевская А. А. Психолингвистические исследования принципов организации лексикона человека (на материале межъязыкового сопоставления результатов ассоциативных экспериментов): автореф. дис... докт. филол. наук. Л., 1980. 48 с.
- Караулов Ю. Н. Активная грамматика и ассоциативно-вербальная сеть. М.: ИРЯ РАН, 1999. 180 с.
- Кичиков А. Ш. Дербетский говор: фонетико-морфологическое исследование. Элиста: Калмгосиздат, 1963. 87 с.
- Клименко А. П., Супрун А. Е. Ассоциативный эксперимент в ряду других методов семан-

- тических исследований // Словарь ассоциативных норм русского языка. М.: Изд-во МГУ, 1977. С. 17–24.
- Кун М., Макпартланд Т. Эмпирическое исследование установок личности на себя // Современная зарубежная социальная психология / под ред. Г. М. Андреевой. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984. С. 180–187.
- Павлов Д. А. Пример служения науке и образованию: к 100-летию профессора Д. А. Павлова / отв. ред. Б. К. Салаев. Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2012. 203 с. (Калмыкия в событиях и лицах. XX век. Серия «Звезды над степью»).
- Пищальникова В. А., Rogozina И. В. Языковое сознание: теоретические и прикладные аспекты. Сб. ст. / под общ. ред. М.; Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2004. С. 6–17.
- Русский ассоциативный словарь. Ассоциативный тезаурус современного русского языка / Ю. Н. Караулов, Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов, Н. В. Уфимцева. М.: ИРЯ РАН, 1994. Кн. 1. Прямой словарь: от стимула к реакции. Ч. I. М.: Помовский и партнеры, 1994. 223 с.; Кн. 2. Обратный словарь: от реакции к стимулу. Ч. I. 1994. 358 с.; Кн. 3. Прямой словарь: от стимула к реакции. Ч. II. 1996. 212 с.; Кн. 4. Обратный словарь: от реакции к стимулу. Ч. II. 1996. 324 с.
- Турунен Н., Харченко Л. И. Ассоциативный эксперимент как средство выявления картины мира у представителей разных культур // Русское и финское коммуникативное поведение. Воронеж: Изд-во ВГТУ, 2000. С. 121–128.
- Убушаев Н. Н. Диалектная система калмыцкого языка. Элиста: АОр НПП «Джангар», 2006. 256 с.
- Уфимцева Н. В. Русские: опыт еще одного самопознания // Этнокультурная специфика языкового сознания. Сб. науч. тр. М.: Ин-т языкознания РАН, 1996. С. 139–163.
- Уфимцева Н. В. Языковое сознание и образ мира славян // Языковое сознание и образ мира. М.: Ин-т языкознания РАН, 2000. С. 56–67.
- References**
- Golikova T. A. *Etnopsiholingvisticheskie issledovanija yazykovogo soznaniya (na materiale altajsko-russkogo asociativnogo eksperimenta)* [Ethnopsycholinguistic studies of linguistic consciousness (evidence from an Altai-Russian paired associates experiment). A Ph. D. thesis]. Moscow, 2005, 322 p. (In Russ.).
- Gorodetskaya L. A. *Asociativnyj eksperiment v kommunikativnyh issledovanijah* [Associative experiment in communication research]. *Teorija kommunikacii i prikladnaja kommunikacija: Sb. Trudov* [Communication theory and applied communication. A collection of works]. Rostov-on-Don, Institute of Management, Business and Law Press, 2002, iss. 1, pp. 169-178 (In Russ.).
- Goroshko E. I. *Integrativnaja model' svobodnogo asociativnogo eksperimenta* [The integrative model of a free associative experiment]. Moscow-Kharkov, Ra-Caravella Publ., 2001, 320 p. (In Russ.).
- Zalevskaya A. A. *Psiholingvisticheskie issledovanija principov organizacii leksikona cheloveka (na materiale mezhyazykovogo sopostavlenija rezul'tatov asociativnyh eksperimentov): Avtoreferat diss... dokt. filol. nauk* [Psycholinguistic studies of individual lexicon organization principles (evidence from interlingual comparison of results of paired associates experiments). A synopsis (abstract) of the Ph.D. thesis]. Leningrad, 1980, 48 p. (In Russ.).
- Karaulov Y. N. *Aktivnaja grammatika i asociativno-verbal'naja set'* [Active grammar and the associative-verbal network]. Moscow, 1999, 180 p. (In Russ.).
- Kichikov A. Sh. *Derbetskij govor: fonetiko-morfologicheskoe issledovanie* [The Dorbet dialect: a case study of phonetics and morphology]. Elista, Publ. Dept. of the Kalm. Research Inst. of Language, Literature and History, 1963, 87 p. (In Russ.).
- Klimenko A. P., Suprun A. E. *Asociativnyi eksperiment v rjadu drugih metodov semanticheskikh issledovanii* [Associative experiment among other methods of semantic research]. *Slovar' asociativnyh norm russkogo yazyka* [A dictionary of Russian associative norms]. Moscow, 1977, pp. 17-24 (In Russ.).
- Kuhn M., McPartland T. *Empiricheskoe issledovanie ustanovok lichnosti na sebja* [An empirical investigation of self-attitudes]. *Sovremennaja zarubezhnaja social'naja psihologija / pod red. G. M. Andreevoj* [Modern foreign social psychology. Edit. by G. M. Andreeva]. Moscow, Moscow State Univ. Press, 1984, pp. 180-187 (In Russ.).
- Primer sluzhenija nauke i obrazovaniju: k 100-letiju professora D. A. Pavlova [Tekst]: proekt Kalmyckogo universiteta / отв. ред. Б. К. Салаев* [An example of devotedness in serving science and education: celebrating the 100th anniversary of Professor D. A. Pavlov [text]. A project of Kalmyk State University. Edit. by B. K. Salaev]. Elista, Kalm. State Univ. Press, 2012, 203 p. (In Russ.) (Kalmykia: Personalities and Achievements. 20th cent. *The Stars over the Steppe* series).

- Pishchalnikova V. A., Rogozina I. V. *Yazykovoe soznanie: teoreticheskie i prikladnye aspekty. Sbornik statej* [Linguistic consciousness: theoretical and applied aspects. A collect. of articles]. Barnaul, Altai State Univ. Press, 2004, pp. 6-17 (In Russ.).
- Russkij associativnyj slovar'. Associativnyj tezaurus sovremennogo russkogo jazyka / Ju. N. Karaulov, Ju. A. Sorokin, E. F. Tarasov, N. V. Ufimceva* [The Russian Associative Dictionary. An associative thesaurus of modern Russian. Comp. by Y. N. Karaulov et al.]. Moscow, Russian Language Institute of the RAS, 1994. Book 1. Direct dictionary: from stimulus to reaction. Part I. Moscow, Pomovsky i Partnery Publ., 1994, 223 p. (In Russ.); book 2. Reverse dictionary: from reaction to stimulus. Part I. 1994, 358 p. (In Russ.); book 3. Direct dictionary: from stimulus to reaction. Part II. 1996, 212 p. (In Russ.); book 4. Reverse dictionary: from reaction to stimulus. Part II. 1996, 324 p. (In Russ.).
- Turunen N., Marchenkova L. I. *Associativnyj eksperiment kak sredstvo vyjavlenija kartiny mira u predstavitelej raznyh kul'tur* [Associative experiment as a means for identifying the worldviews of individuals with different cultural background]. *Russkoe i finskoe kommunikativnoe povedenie* [Russian and Finnish communicative behavior]. Voronezh, Voronezh State Technical Univ. Press, 2000. pp. 121-128 (In Russ.).
- Ubushaev N. N. *Dialektnaja sistema kalmyckogo jazyka* [The Kalmyk dialectal system]. Elista, Dzhangar Publ., 2006, 256 p. (In Russ.).
- Ufimtseva N. V. *Russkie: opyt eshhe odnogo samopoznaniya* [Russian: the experience of another self-knowledge]. *Etnokul'turnaja specifika yazykovogo soznaniya. Sb. nauch. tr.* [Ethnocultural specificity of linguistic consciousness. A collection of scholarly papers] Moscow, Publ. Dept. of the Institute of Linguistics of the RAS, 1996, pp. 139-163 (In Russ.).
- Ufimtseva N. V. *Yazykovoe soznanie i obraz mira slavjan* [Linguistic consciousness and world-image of the Slavs]. *Yazykovoe soznanie i obraz mira* [Linguistic consciousness and world-image]. Moscow, Publ. Dept. of the Institute of Linguistics of the RAS, 2000, pp. 56-67 (In Russ.).

УДК 811.512.37

ИССЛЕДОВАНИЕ ЭТНИЧЕСКОГО ЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ И АССОЦИАТИВНЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ (на материале калмыцкого языка)

Владимир Наранович Мушаев¹, Вера Ивановна Мушаева²

¹ доктор филологических наук, профессор, кафедра калмыцкого языка, монголистики и алтаистики, Калмыцкий государственный университет (Элиста, Российская Федерация). E-mail: mushaev_vn@mail.ru.

² кандидат психологических наук, доцент, кафедра психологии, Калмыцкий государственный университет (Элиста, Российская Федерация). E-mail: veramushaeva@gambler.ru.

Аннотация. В статье речь идет об исследованиях языкового сознания на основе материалов свободных ассоциативных экспериментов. Целью ассоциативного метода лингвистического исследования является понимание ассоциативного ряда усредненного респондента; построение и анализ ассоциативных взаимосвязей между словами, поиск закономерностей; формирование прямого и обратного ассоциативного словаря. Ассоциативный эксперимент позволяет выяснить как системность содержания образа сознания, стоящего за словом в разных культурах, так и системность всего языкового сознания носителей разных культур, передавая тем самым уникальность и неповторимость образа мира каждой культуры. Следовательно, языковое сознание может выступать не только как средство познания чужой культуры в ее предметной и ментальной формах, но и как средство познания своей культуры. Экспериментальное исследование этноспецифических стереотипов калмыцкого и русского языкового сознания проводится с опорой на свободный ассоциативный эксперимент, который состоит в предъявлении слов-стимулов, интуитивно определяемых самими носителями языка как типичные стереотипные характеристики, ценности, приоритеты.

Ключевые слова: ассоциативный словарь, образ мира, свободный ассоциативный эксперимент, языковое сознание, калмыцкий язык.